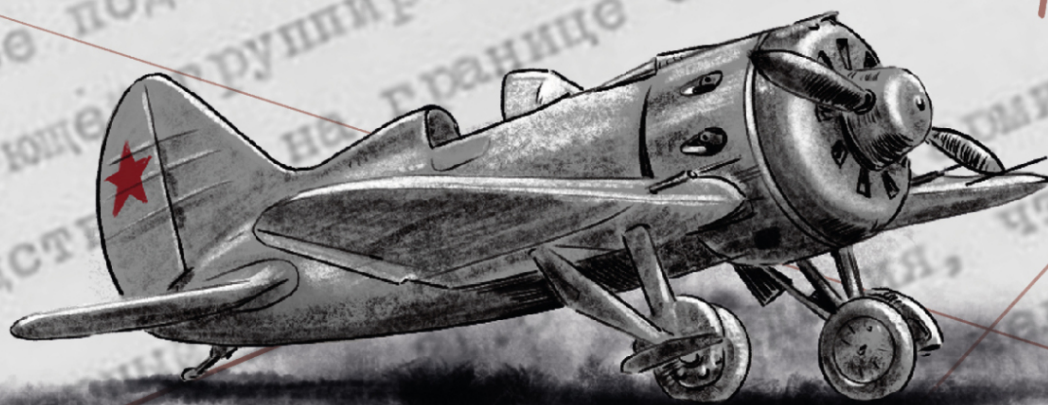

ПИЛОТ ШТРАФНОЙ ЭСКАДРИЛЬИ

ПОПАДАНЕЦ
В КРАСНУЮ АРМИЮ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Корчевский
Пилот штрафной эскадрильи

«Феникс»

2011

Корчевский Ю. Г.

Пилот штрафной эскадрильи / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2011

ISBN 978-5-222-39167-9

Особисты, НКВД, чужие документы... Никаких амбиций – лишь страстная жажда выжить в этом кошмаре – громадной войне, о которой сами ее участники в общем-то пока не знают полной правды, но тоже очень хотят выжить и спасти свою Родину. Ты попал в 18-й день Великой Отечественной войны, причем не в призывники и не в мобилизованные, даже не в ополчение, которое возникнет чуть позже, а в самую неподходящую для попаданца во времени точку: на оккупированную фашистами территорию. При тебе ни оружия, ни даже перочинного ножа – лишь ты сам и единственная на сей момент мысль: нужно добраться до своих. Так неожиданно началась военная эпопея простого нашего современника – летчика Михаила, несколько лет отдавшего сельхозавиации, которая теперь практически дышит на ладан... Да наплевать на нее в эту минуту: вокруг – сорок первый год и враг, который может скрываться даже за соседним кустом. Что делать? А то, что задумал: для начала прорваться к своим... Действуй, Михаил! Книга также выходила под названием «Штрафник-истребитель. „Искупить кровью!“».

ISBN 978-5-222-39167-9

© Корчевский Ю. Г., 2011

© Феникс, 2011

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Корчевский

Пилот штрафной эскадрильи

Кто говорит, что на войне не страшно, ничего не знает о войне.

Глава 1

Михаил с завистью посмотрел в небо, на едва видимый в вышине самолет и инверсионный след за ним. Летают же люди – не то что некоторые. Он со злости пнул колесо Ан-2, или «кукурузника», как прозвали его в народе. Летчики и техсостав называли его более ласково – «Аннушка». Самолет-то хороший был, когда выпускаться начал после войны – в 1947 году.

Теперь уж и не выпускают такие в России, однако клоны его продолжают появляться в Китае, да и в Польше не так давно сняли с производства Ан-3 – тот же Ан-2, только с турбовинтовым двигателем.

Ничего, будет еще и на его улице праздник. Только вот дернул его черт влезть в авантюру, что навязал ему начальник авиаотряда Сергей Николаевич Тутышев.

А как радужно все начиналось! Еще в школе, в родных Ессентуках, Михаил ходил в местный аэроклуб ДОСААФ, впоследствии – РОСТО, занимался парашютным спортом. А потом – почти трехгодичное обучение в Краснокутском летном училище, что в Саратовской области, на отделении производства авиационно-химических работ. В просторечии – сельхозавиация.

Попал он на учебу как раз в годы разгула «демократии» – лихие девяностые, когда к власти пришли люди недалёковидные, решившие, что на их век летчиков в стране хватит. Вот и сократили численность курсантов, урезали бюджет. Бензина не хватало, едва удавалось наскрести необходимые для выпуска из училища шестьдесят часов налета, да и то большей частью – на Як-18Т, поскольку выходило экономнее, чем на «Аннушке». И самолеты наши, российские, почти перестали выпускать. Авиафирмы перешли на закупку и лизинг потрепанной зарубежной авиатехники, этакого «секонд-хенда».

Михаил попал на работу в Брянский авиаотряд, где отлетал в правом кресле второго пилота три года, набирая необходимый налет в тысячу часов. Переучился на командира. Мечта о большом самолете стала ближе. Только и служба поднаеела. Прилетел в колхоз, погрузчиком зальют жидкие удобрения или ядохимикаты – взлет. На пятиметровой высоте, едва не задев верхушки деревьев, опыляешь участок. Потом посадка, вновь загрузка удобрениями – и новый взлет: пока не обработаешь норму – двести пятьдесят гектаров за день. А потом и колхозы стали нищать, превращаясь в акционерные общества, сельхозартели или сельхозпредприятия. Платить за авиаобработку стало нечем, работы поубавилось. Старые летчики выходили на пенсию, самолеты списывали из-за износа, авиаотряд потихоньку таял, как мартовский снег на солнце. Перебивались разовыми заказами – груз перевезти, людей перебросить. Из-за нехватки вторых пилотов командирам с большим налетом разрешили летать в одиночку.

Вот тогда и затосковал Михаил. Мечта о большом небе и больших самолетах становилась призрачной, как утренний туман. И только случайная встреча с однокашником по училищу вдохнула надежду.

Брянский аэропорт объявили банкротом, Михаил махнул в отпуск в Первопрестольную – и в метро столкнулся у эскалатора с Витькой Селезевым. Обнялись на радостях. Виктор спешил очень, телефон свой оставил.

– Вечером позвони обязательно, слышь – не забудь! – крикнул он, садясь в вагон.

Позвонил Михаил вечером. Виктор пригласил посидеть в кафе. Выпили немного, поговорили об однокашниках – кто, где, кем.

– Ну ты про себя расскажи, – потребовал Виктор.

– А что рассказывать? В Брянском авиаотряде, командиром на «Аннушке».

– Женился?

– Нет пока. Девушка хорошая есть, да как жениться, когда сам еще не определился? Жилья своего нет, на съемной квартире обитаю. А ты как?

– О! Я, брат, отлетал три года в правом кресле – и в Москву. Тут аэропорт не один. И возможности шире. В Быково летал вторым на Ил-14, потом переучился, сейчас на Ту-154 вторым летаю. Скажу по секрету, – продолжил Виктор, – я уже договорился перейти на «Боинг-737» – после переучивания, правда. А там, глядишь, и за границу летать буду. Сам понимаешь – другой уровень зарплаты. Вот что, давай я со своим начальством переговорю – может, удастся тебя к нам перетащить. Как?

– Было бы здоровье, – вздохнул Михаил.

– Не дрейфь, под лежащий камень вода не течет.

Посидели, поговорили, выпили еще. Ночью Михаил поразмышлял немного да и отправился утром по аэропортам. Кто его знает, Селезнева-то? Может, потрепался по пьяному делу да и забыл?

Как оказалось, летчики были нужны. Да только когда узнавали в кадрах, что у Михаила нет налета на самолетах даже третьего класса – вроде двухмоторных Ан-24, – делали кислые физиономии.

– Зайдите или позвоните попозже – может, подвернется вакансия.

Вежливо отфутболивали, как понял Михаил. Плюнул он на все да и занялся осмотром интересных мест: сходил в Оружейную палату, в Третьяковку – когда еще в Москву попадешь?

Отпуск закончился, и Михаил вернулся к себе, в Брянск. И тут, как снег на голову, звонок от Селезнева:

– Что, Мишка, не ожидал? Думал, треплется Селезнев? А я договорился насчет тебя. Когда сможешь приехать?

Михаил клятвенно заверил, что в ближайшее время, и помчался к начальнику.

– Какой тебе отпуск без содержания? Ты только из отпуска вышел! – удивился Сергей Николаевич.

– Ну просто горит, как в Москву надо! – взмолился Михаил.

– Никак зазнобу в Москве найти успел? Дело молодое! – Тутышев заговорщицки подмигнул. – Отпуска я тебе не дам, но помочь – помогу.

Михаил наострил уши. Как-то странно начальник выражается: «Отпуска не дам, но помогу».

– «Аннушку» нам надо гнать на ремонт в Балашихинский район, поселок Черное. Это ведь рядом с Москвой. Движок ресурс свой отработал, менять надо. Техника с собой возьмешь – он после ремонта самолет принимать будет. На ремонте ты не нужен – не барское это дело. Вот и получается: вроде и в командировке, и в то же время...

– Я понял, Сергей Николаевич! Спасибо! Когда вылетать?

– Экий ты резвый! Сначала ремтехбаза подтвердить должна, что деньги на их счет поступили. Думаю, дня три-четыре подождать придется.

Обнадеженный Михаил вышел от начальника и позвонил Виктору:

– Вить, дня через три-четыре только получится.

– Хорошо, только долго не тяни, ты не один кандидат.

Дома Михаил собрал документы, приготовил сумку с бритвой и бельем. Невелики пожитки, но и командировка короткая – дня три-четыре от силы.

Через три дня Сергей Николаевич вызвал его к себе:

- Вылетаешь завтра с утра. Все документы на самолет и авизовка у техника.
- Йес, сэр! – гаркнул Михаил, вытянувшись перед начальником.
- Эх, вроде уж вырос из детских штанишек, а все дурачишься.

Михаил нашел самолет, который предстояло перегнуть, и техника около него. Это оказался его старый знакомый Сашка Веретенников.

– Этот рыдван на ремонт гнать?

– Почему рыдван? – несколько обиделся техник. – Вполне приличный летательный аппарат.

– Лет-то аэроплану сколько?

– Почти тридцать.

– Вот! Он меня старше! До Балашихи доберемся без проблем?

– Зуб даю!

– Тогда в шесть утра вылетаем.

Рейс был не графиковый, потому Михаил назначил вылет пораньше, когда болтанка меньше и видимость лучше. И все равно утром – пока к метеорологам за погодой на маршруте, пока в штурманскую за картами да в диспетчерскую – прошел час.

Михаил подошел к самолету, забросил в дверь сумку.

– Эй, Ляксандр! Ты здесь?

– А где ж мне еще быть?

Сашка демонстративно взглянул на часы:

– Я уж и двигатель прогрел.

– Это ты молодец!

Михаил приступил к предполетному осмотру. Понятно, что техник самолет осмотрел и приготовил, но – положено. Инструкции Михаил соблюдал свято: в них каждая строка кровью написана.

Он осмотрел мотор, левое колесо, подергал расчалки биплана, крыло – нет ли струбцин, фюзеляж. Обежал хвостовое отделение, покачал рули высоты. Такой же осмотр самолета он сделал с правой стороны. Все в порядке, лючки закрыты, заглушек и струбцин нет.

Михаил уселся в левое кресло, справа уже сидел Веретенников.

– Ну что, запускаем?

Михаил открыл форточку, крикнул: «От винта!» Пробежал глазами панель приборов, тумблеры. Так, триммеры в нейтральном положении, бензокран открыт. Михаил включил «запуск», нажал кнопку стартера, дождался, пока он наберет обороты, и потянул рычаг на себя. Стартер начал раскручивать двигатель – девятицилиндровый АШ-62ИР.

Винт сделал один оборот, второй – хлопок... Из патрубков вырвалось пламя. Михаил включил магнето, установил сектор газа на 700–800 оборотов в минуту. Двигатель взревел. Манометр показывал три атмосферы в масляной системе, температура газа – 100 °С. Пока двигатель молотил на холостых, Михаил связался с диспетчерской вышкой:

– Я – борт 35516, разрешите рулежку?

– Борт 35516, рулежку разрешаю.

Михаил показал знаком механику – убрать колодки! Отжал гашетку тормоза на левой половине штурвала, добавил газа. Самолет, вздымая за собой облако пыли, пополз по рулежной дорожке. Двигатель работал устойчиво, без тряски.

– Я – борт 35516, разрешите взлет?

– Борт 35516, взлет разрешаю.

Михаил вырулил на взлетно-посадочную полосу, нажал гашетку тормоза, плавно добавил обороты. Пора! Он отжал гашетку, добавил газу. Самолет начал разбег. На тахометре – 2100 оборотов в минуту, скорость – 80 километров в час. Михаил плавно потянул рычаг на себя.

Самолет оторвался от земли, стук колес по швам бетонной полосы прекратился. Внизу промелькнул ближний привод.

«Аннушка» медленно набирала высоту. Пятьсот метров, тысяча... уже полторы. Видимость великолепная: как говорят летчики – «миллион на миллион».

Михаил заложил правый вираж. По карте курс ломаный – сначала на Тулу, потом на Балашиху. Это только несведущему кажется, что самолет должен лететь по прямой – кратчайшим курсом. Нет. Здесь, в небе, проложены невидимые трассы – вроде автомобильных дорог на земле. Ведь существует ряд запретов: нельзя летать над воинскими частями, атомными электростанциями, крупными городами – такими, как Москва. Кроме того, высоту и курс диктует авиадиспетчер, разводя самолеты во избежание столкновения. Правда, последнее больше относится к самолетам реактивным или турбовинтовым. Легкие самолеты вроде Ан-2 или вертолеты летают на значительно меньших высотах.

Внизу расстилались квадратики полей. Миновали Николаевку, где Михаил работал в прошлом году, потом заблестела Велья – в месте впадения в Рессету. Это уже пошла Калужская область.

– Эх, порыбачить бы там! – мечтательно сказал Веретенников.

Михаил разговора не поддержал, поскольку к рыбалке был абсолютно равнодушен. Рыбу он любил, но больше в жареном виде, а еще лучше – в виде шашлыка, да в хорошей компании.

Внезапно двигатель самолета затрясло, начались хлопки в карбюраторе. Температура головок цилиндров поползла вверх.

– Командир, давление масла падает! – закричал Сашка.

– Вижу, – стиснул зубы Михаил.

Мало того – стала падать мощность двигателя.

Михаил начал осматривать местность впереди и по сторонам. Чем хорош Ан-2 – так только тем, что это не реактивный самолет с его большими скоростями. Биплану хватит для посадки и 180 метров – даже на поле, а не на бетонной полосе. И планировать с неработающим двигателем он может, не падая камнем, как турбореактивные машины.

Михаил механически, отработанным движением дернул рычаг стоп-крана на себя, перекрыл бензокран, поставив его в положение «бензин выключен», рычаг газа – в «0». Двигатель встал, но не так, как всегда – теряя обороты, – а почти сразу. Перед капотом торчала лопасть винта. Михаил перевел рычаг шага винта в нейтральное положение, чтобы винт не создавал сопротивления воздуху.

Сашка испуганно притих в правом кресле, поглядывая то на землю, то на Михаила. Придется садиться на вынужденную. Раньше Михаилу проделывать это не приходилось.

Вот вроде бы слева убранный поле, и длина подходящая. Не ошибиться бы – двигатель не работает, уйти на второй круг или подтянуть газком не получится.

Михаил заложил левый вираж, потеряв еще метров сто высоты, нажал кнопку рации.

– Я – борт 35516, остановка двигателя, иду на вынужденную. Нахожусь в районе Новохвостовичей.

Повторить сообщение или дождаться ответа Михаил уже не смог – рация перестала работать, лампочки на панели погасли.

– Электропитание накрылось, – крикнул Сашка.

– Вижу, – отозвался Михаил.

Сашка перекрестился, хотя никогда раньше Михаил не видел, чтобы тот носил крестик. Михаил крестик носил – на серебряной цепочке. Повесили, когда бабушка крестила. Сам же Михаил в Бога не верил и в церковь не ходил.

Земля приближалась. Михаил выровнял самолет по курсу, немного подобрал штурвал, выпустил закрылки. Должны сесть, поле длинное – метров триста, с лихвой хватит. Приборы не работали, но трубка Пито скорость показывала – 100.

«Еще чуть – и сажусь», – решил Михаил. Он мягко подвел биплан к земле, притерся к стерне колесами. Подпрыгивая на комьях земли, стуча колесами, самолет понесся по полю.

– Слава богу, сели! – перекрестился Сашка.

И только Михаил хотел сказать «Не кажи гоп...», как самолет колесами угодил в канаву. Была бы скорость поменьше – обошлось бы. Потому как не канава даже, а ложбинка была. Но самолет задрал хвост, завис на мгновение и скапотировал, перевернувшись на спину. Треск, удар, пыль! Последнее, что Михаил запомнил, – как его выбросило через разбитый фонарь кабины.

Казалось, после аварии прошли всего-навсего минуты, когда Михаил пришел в себя. Первым делом в голове мелькнуло: «Как там Сашка? Жив ли?»

Михаил разлепил глаза, опершись на локоть, привстал и огляделся. Что за чертовщина? Нет самолета, и Сашки нет. Вот поле, а самолета нет. Должен же быть след от скапотировавшего биплана!

Михаил встал, описал круг. Решительно ничего – никаких следов. Может, отполз в беспомыслии? Опять не то – не мог же он уползти на километр! На вынужденную посадку он шел в районе деревни Новохвастовичи. Речка там еще была – на запад от поля, на котором он так неудачно приземлился. Вроде – Рессета. Теперь вопрос: выходить к реке и по ней – к любой деревне или сидеть здесь и ждать, когда прилетит вертолет из Брянска? Но ведь прилететь он должен к самолету – с воздуха его можно быстро обнаружить, а «Аннушки» – то и не видно. Тогда надо идти. Любая река или линия электропередачи всегда выводят к жилью. Слава богу, он не в сибирской тайге.

Михаил отряхнул пыль с рубашки и брюк, с огорчением констатировав, что у рубашки оторван рукав. Хорошо, хоть пилотское свидетельство в кармане цело. Он посмотрел на солнце, определился на местности и направился на запад.

Впереди виднелся лесок – видел его Михаил с воздуха: аккуратно за ним – речка. Хоть попить да умыться можно будет.

Справа – метрах в двухстах – здорово грохнуло. Михаил обернулся: пыль, опадают комья земли.

«Похоже, взорвалось чего-то», – как-то отрешенно подумал он.

Через пару минут грохнуло еще, на этот раз – ближе. Михаил остановился, в душу закралась нехорошая мысль: «Может, поле заминировано? Мало ли, с войны осталось. Да нет, шестьдесят лет уж прошло, как война закончилась, все уже убрали давно. И все-таки любопытно – что это было?» Михаил ускорил шаг.

Третий взрыв прозвучал сзади, когда до леса оставалось полсотни метров. На опушке зашевелились кусты, и кто-то крикнул:

– Ложись!

«Ага, я только пыль стряхнул с одежды – и опять пачкаться? И так на неряху похож», – подумал Михаил, подходя к опушке.

Из-за кустов поднялись двое солдат. Одеты они были в старую форму времен Отечественной войны: вместо погон – петлицы, на ногах – ботинки с обмотками, на плечах – винтовки-трехлинейки с примкнутыми штыками. «Наверное, любители какого-нибудь клуба реконструкции игрища свои проводят, – с облегчением подумал Михаил, – потому и взрывы были. Сейчас хоть дорогу узнаю – на аэродром звонить надо».

– Ты кто такой? – настороженно спросил один из солдат.

– Легчик я. Самолет мой на вынужденную посадку вон там сел – мотор сдох.

Солдаты переглянулись.

– Не было никакого самолета.

– Проспали небось, бойцы, – усмехнулся Михаил. – Мне бы в деревню или к начальству вашему, в авиаотряд сообщить надо.

– Документы предъяви.
– Вы что, менты, что ли? Чего ради я вам документы свои показывать должен? – обозлился Михаил.

– Так, не хочет. Самолета мы и в самом деле в глаза не видели, а вот парашютист был. Далековато, правда, но мы видели.

Солдат стянул с плеча винтовку, уставил штык на Михаила:

– Парашютист?

Михаил вспомнил свои молодые годы.

– Занимался немного, было.

– Ага, сам сознался! Шлепнуть тебя на месте надо!

Солдат передернул затвор.

– Ребята, вы уже переигрываете! – не на шутку испугался Михаил. – Ведите к командиру.

– Руки вверх! – заорал солдат.

– Да вы что, сбрендили?!

– Фашист! Гнида немецкая! Где остальные парашютисты?

Михаил подумал, что у парня не все в порядке с головой.

– Парни, вот мое пилотское свидетельство. Смотрите сами – какой же я немец?

Михаил полез в карман за свидетельством.

– Руки вверх! – опять заорал солдат.

– Да не пошел бы ты...

– Сейчас стрельну!

Михаил не воспринял угрозы всерьез и шагнул в сторону. «Ну их, этих придурочных, сам дорогу найду». Однако солдат выстрелил, и причем не холостым, как положено на реконструкциях сражений, а самым что ни на есть боевым. Пуля ударила в деревце рядом, оторвав щепку. Так и убить могут!

Михаил рванул вдоль опушки и нырнул в лес.

Сзади раздалось еще два выстрела.

Михаил бежал вперед, держа взятое направление – на запад. Пробежал метров триста, остановился, переводя дыхание. «Совсем ошалели, придурки, по мирным гражданам боевыми патронами палят! Ну подождите, выберусь отсюда – сразу в милицию или в прокуратуру сообщу, взгреют вас по первое число».

Впереди, среди деревьев, блеснула вода. Добрался-таки до реки. Теперь надо определиться – идти по течению вверх или вниз? Жалко, планшет с картой в кабине остался – насколько проще сейчас было бы.

Михаил спустился к воде, умылся, попил свежей воды. Хотя бы жажду утолить. Почему-то хотелось есть, хотя времени после завтрака прошло совсем немного – часа три. Михаил посмотрел на солнце – оно стояло в зените. Нет, пожалуй, не три часа, побольше.

С западной стороны послышался гул мотора, и мотора авиационного – Михаил не мог спутать. Он вскочил, расстегнул пуговицы на рубашке. Если самолет будет низко, можно сорвать рубашку и размахивать ею, пытаясь привлечь внимание летчика.

Из-за леса на противоположном берегу реки вынырнул самолет. Шел он низко – метров двести, прямым курсом на Михаила. Только силуэт его не напоминал ни одного двухмоторника – ни Ли-2, ни Ан-24, ни Ил-14.

Самолет довольно быстро оказался над Михаилом, и он четко увидел кресты на крыльях и фюзеляже. Точно такой же силуэт он видел на схемах и фото в книгах. Это был «Юнкерс-88».

Через минуту «юнкерс» скрылся, а из-за леса вынырнул еще один, потом – еще... Михаил механически их сосчитал – девять штук. Что за бред? Может, все вокруг – галлюцинации? Может, на самом деле он лежит в больнице с разбитой головой и это все ему кажется?

Михаил ущипнул себя за руку. А, больно! Стало быть, это не во сне, иначе бы он проснулся. Во сне не чувствуешь боли, даже если видишь кошмар. Тогда, может, кто-нибудь объяснит, что происходит? Если была бы война, то самолеты были бы, скорее всего, стран НАТО – английские, американские, немецкие; и не винтовые, а реактивные, и уж точно не «юнкеры».

В душе Михаила возникло нехорошее ощущение, понимание того, что все вокруг – жестокая реальность, только вот время не его. Похоже, действительно война, но ведь она шла шестьдесят лет назад!

Михаил плюхнулся на землю. Пришедшее понимание происходящего шокировало. А как же теперь Москва, Витька Селезнев, большие самолеты? Нет, в другое время Михаил не хотел. Только как теперь вернуться? Может, все-таки поискать разбитую «Аннушку»? А те солдатики? Опять в него стрелять будут?

Михаил медленно осознал весь ужас происходящего. Документов этого времени нет, денег нет, дома нет, работы нет, и друзей тоже нет. Хотелось завывать волком.

Какое-то время Михаил сидел в ступоре, потом стал размышлять. Дома, документов, работы сейчас нет не только у него – у многих ситуация такая же. Но они хотя бы знают, где был их дом, где и кем они работали, и при расспросах могут хотя бы рассказать правдиво.

Вернуться в свое время он не может, потому как не знает, осуществимо ли это. Значит, надо приспосабливаться к данным обстоятельствам и выживать. И для начала хорошо бы узнать, где он находится и какой сейчас год и месяц. А потому – надо искать людей, только быть осторожнее. Давешний солдатик выстрелил и промазал, а другой может и попасть.

Михаил встал, застегнул рубашку, привычным движением проверил карманы. Из правого кармана брюк достал пилотское свидетельство. Медленно, уже зная в душе, как он с ним поступит, раскрыл. Взгляд наткнулся на дату выдачи: 1990 год. Михаил горько усмехнулся про себя: «Идиот! И я его предлагал патрульным! Согласись они посмотреть мои документы – где бы я сейчас был?»

Выбрав место, где земля показалась ему помягче, он выкопал ямку, бережно уложил туда свое свидетельство и засыпал сухой, прогретой летним солнцем землей. Все! Теперь он – как все, во всяком случае – как большинство.

Но что же дальше? Пожалуй, надо двигаться вдоль реки и при встрече с людьми понаблюдать – кто такие? Об НКВД Михаил много чего читал, когда в период разгула «демократии» пооткрывали архивы и газеты печатали про весь кошмар, происходивший в тридцать седьмом году и позже.

Михаил шел, стараясь скрываться за кустами и деревьями. В армии он не служил, но, будучи курсантом, нес караульную службу и азы воинского дела знал. По крайней мере, стрелять из «калашников» мог. Только вот нет сейчас «калашников», как и много чего другого.

Где-то недалеко заблеяла коза. Михаил остановился. Раз есть коза, значит, рядом будут люди.

Так и оказалось. Когда он, пригибаясь за кустами, вышел к полянке, то увидел деда, приглядывающего за двумя пасущимися козами. Дед был стар и не вооружен, лишь палка в руке.

Михаил кашлянул, чтобы не напугать неожиданным появлением селянина.

Дед резво обернулся. Из-под надвинутой на лоб кепки выжидающе смотрели на Михаила бесцветные от старости глаза.

- Добрый день, – поздоровался летчик.
- Здравствуй, коль не шутишь, – ответил дед.
- Заплутал я немного, батя. Какая деревня рядом?
- Какая всегда была – Еловцы.
- А река?
- Так Сож.

Что-то названия Михаилу были незнакомы.

– А Брянск где?

Дед махнул рукой на юго-восток. Михаил совсем запутался.

– А деревня ваша Еловцы – какой области?

– Смоленской.

– Дед, год какой сейчас?

– Да ты никак не в себе, контуженный?

– Нет, батя, летчик я. Упал с самолетом, ни хрена не помню.

– А, это бывает. Меня в Первую мировую контузило – снаряд немецкий перед моим бруствером разорвался, – так я оглох на неделю. Само потом прошло. И у тебя пройдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.